

Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г.

Станислав Юдин

General M.I. Dragomirov and plans for reforming military administration in 1881 *Stanislav Yudin (Lomonosov Moscow State University, Russia)*

Во второй половине XIX в. Михаил Иванович Драгомиров, профессор тактики, а затем — военного искусства в Николаевской академии Генерального штаба, читавший лекции наследникам престола и великим князьям, а также освещавший опыт войн 1859 и 1866 гг., являлся одним из наиболее ярких и авторитетных военных мыслителей России¹. С 1860-х гг. он оказывал заметное влияние на воспитание и образование войск². Организация переправы через Дунай и оборона Шипки в 1877–1878 гг. окончательно закрепили его репутацию, принесли ему боевую славу и чин генерал-лейтенанта. Весной 1878 г. он был назначен начальником Николаевской академии Генерального штаба, а в 1889 г. занял пост командующего войсками Киевского военного округа. Уже поэтому представляет интерес отношение Драгомирова к системе управления вооружёнными силами, сложившейся в России в ходе реформ 1860–1870-х гг., и к проектам её изменения, активно обсуждавшимся после отставки Д. А. Милютин с поста военного министра в 1881 г.

В своих многочисленных трудах Драгомиров почти ничего не писал о военной администрации. Однако, став в 1881 г. членом Особой комиссии для обсуждения Высочайше преподанных вопросов обустройства военного управления под председательством гр. П. Е. Коцебу, он должен был так или иначе выразить свою позицию. С 6 октября по 7 ноября комиссия провела девять заседаний, рассмотрев недостатки управления армией, возможность их устранения частными мерами, целесообразность сохранения военных округов, выделения из министерства Генерального штаба и т.д.³ В результате, как писал П. А. Зайончковский, вследствие противодействия П. С. Ванновского и Н. Н. Обручева, несочувствия многих членов комиссии идее преобразования и общего желания избежать дополнительных финансовых затрат, «ника-

© 2016 г. С. С. Юдин

¹ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 256–257; Menning B. W. Bayonets before bullets: The Russian imperial army, 1861–1914. Bloomington; Indianapolis, 1992. P. 87 (русский перевод см.: Меннинг Б. У. Пуля и штык: Армия Российской империи, 1861–1914. М., 2015); Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольте»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 223.

² Подробнее см.: Мецераков Г. П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С. 195–217.

³ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 49, л. 14–16. Подробный анализ протоколов комиссии см.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 92–102.

ких конкретных решений касательно изменения системы военного управления и военных округов по существу принято не было, за исключением вопроса о необходимости переработать Положение о полевом управлении армии в военное время»⁴.

При этом Драгомиров и ещё восемь генералов подписали особое мнение, утверждая, что «устранение существующих недостатков центрального военного управления, т.е. Военного министерства, посредством частных изменений в устройстве оно́го» невозможно, и следует превратить Главный штаб в самостоятельное учреждение, независимое от министра⁵.

Помимо этого, Михаил Иванович составил отдельное мнение, в котором высказал соображения по всем вопросам, поставленным перед комиссией Александром III, а также записку против «канцеляризма». В отличие от отдельных мнений других членов комиссии⁶, рассуждения Драгомирова изложены ярче и эмоциональнее, менее формальны, насыщены примерами, преимущественно из опыта Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Однако, судя по тому, что оба текста носят черновой и незаконченный характер и к тому же не отложились в бумагах других членов комиссии, записки эти так и не были поданы, а, вероятно, и завершены. В 1912 г. вдова генерала переписала их и передала копии Г.Г. Черткову⁷. В дальнейшем этот уникальный источник, отразивший размышления ведущего военного теоретика об организации управления русской армией в пореформенное время, ни разу не рассматривался исследователями.

Выступая против «канцеляризма», Драгомиров решительно критиковал засилье военной бюрократии, считая его главным злом. «Из вышесказанного в предшествующих заседаниях, — утверждал он, — выяснилось до очевидности, для меня по крайней мере, что дело усовершенствования нашей организации заключается вовсе не в преобразованиях округов и корпусов, но именно в восстановлении контроля центральных управлений, который дал бы возможность справиться с канцеляризмом». «Так, — отмечалось в записке, — из разъяснений оказалось, что к[омандующие] войсками проникнуты были горячим желанием блага войскам. Военный министр был проникнут тем же желанием и, не взирая на это, войска дурно кормлены, дурно расквартированы, недостаточно воспитаны и обучены». При этом, констатировал генерал, «неудовлетворительные, как и удовлетворительные периоды всякой организации могут проистекать или от людей, или от системы организации; но так как оказывается, что в разбираемом случае люди не виноваты, то виновата система[,] из этой дилеммы выхода нет»⁸.

Драгомиров настаивал на том, что во всех бедах армии «виновата именно система, давшая решительный перевес бюрократическому канцеляризму над строем». Благодаря ей «в интендантском звании можно получить земных

⁴ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 102.

⁵ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 49, л. 4 об. — 5. Кроме Драгомирова, под этим мнением подписались гр. И. И. Воронцов-Дашков, кн. А. К. Имеретинский, А. П. Костанда, Ф. Ф. Радецкий, О. Б. Рихтер, кн. Д. И. Святополк-Мирский, кн. И. Ф. Шаховской и гр. П. А. Шувалов.

⁶ Отдельные мнения членов комиссии П. Е. Коцебу не составляют единого делопроизводственного комплекса и рассеяны по разным архивам. Пожалуй, наиболее полная их коллекция находится в фонде П. Л. Лобко: ОПИ ГИМ, ф. 155, д. 150. Большинство их было посвящено характеристике военно-окружного управления.

⁷ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257.

⁸ Там же, л. 3–3 об.

благ неизменно бо́льшую массу, чем человеку с высокой боевой репутацией»⁹. Награды, как часто бывает на войне, становились поводом к обидам и пересудам¹⁰. «Мы знаем чиновников в эполетах, конечно, — негодовал Михаил Иванович, — которые не принимали в военных действиях никакого участия, а получили немало, добро бы орденов с мечами, а то золотое оружие. Только, кажется, Георгия не давали ни одному чиновнику; но если система останется, то в следующую кампанию уповательно доживём до этого»¹¹. Одним из тех, на кого намекал Драгомиров, мог быть полковник М.А. Газенкампф, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. занимавшийся в Ставке составлением журнала военных действий и взаимоотношениями с корреспондентами и получивший золотое оружие¹². «Мы знали пример, — вспоминал Драгомиров, — получения командиром В. из одного центрального управления бумаги до того дерзкой, что её не позволил бы себе написать благовоспитанный начальник прямому подчинённому»¹³. Схожий эпизод действительно имел место в начале кампании 1877 г. (правда, связан он был не с «центральным управлением», а с Полевым штабом). Когда сильные дожди привели к разливу Прута, крупным воинским соединениям пришлось ждать исправления переправы на не приспособленных для такого большого скопления людей стоянках и без продовольствия. Командиры корпусов (в том числе и П.С. Ванновский, видимо, и скрывавшийся под литерой «В») попытались заготавливать его самостоятельно, не дожидаясь представителей товарищества «Горвиц, Грегер и Коган», официального поставщика русской армии. Но это вызвало гневный приказ вел. кн. Николая Николаевича Старшего: «Я строжайше подтверждаю всем подчинённым мне войскам, управлениям и лицам отнюдь не позволять себе ни малейшего уклонения от распоряжений интенданта армии по интендантской части, предвзяв, что в противном случае должен буду подвергать виновных взысканию и обращению к их ответственности того убытка казны, который произойдёт от сего»¹⁴. Инициатором данного распоряжения являлся начальник канцелярии Полевого штаба. По словам Газенкампфа, это был «чиновник буквоед-форма-

⁹ Там же, л. 4. «Слышали также, — пишет Драгомиров, — о двух назначениях, поразивших прискорбным изумлением целую армию». О ком именно шла речь, Михаил Иванович не пояснял. Но о том же упомянул на одном из заседаний генерал-лейтенант Х.Х. Рооп: «В последнее время на два крупных поста, подчинённых в[оенному] министру, последовали назначения, поразившие армию. Тщетно мы пытались разгадать эти назначения или прохождением службы, или личными свойствами» (РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 46, л. 33 об.). Скорее всего, Рооп и Драгомиров намекали на последовавшие почти одновременно (10 июня и 4 июля) и возмущившие критиков милютинской системы назначения генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева начальником Главного штаба, а генерал-лейтенанта Н.А. Махотина — Главным начальником военно-учебных заведений. «На место Константина Павловича, Михаила Павловича, покойного Государя и Михаила Николаевича, — сокрушался в письме к гр. И.И. Воронцову-Дашкову Р.А. Фадеев, — на место главного начальника военно-учебных заведений, назначен штабной писарь Махотин, пропитанный насквозь красным либерализмом Главного штаба, человек без ума, без заслуг и малейшей известности, единственное достоинство которого состоит в том, что он принадлежит к шайке Обручева» (ОР РГБ, ф. 58, ч. 2, п. 51, д. 3, л. 16).

¹⁰ Молотов А. Изнанка войны // Русский архив. 1905. № 9. С. 93.

¹¹ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 4–4 об.

¹² Газенкампф М.А. Мой дневник. 1877–78 гг. СПб., 1908. С. 157.

¹³ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 4 об.

¹⁴ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 97. СПб., 1911. С. 34. В приказе от 24 июня 1877 года вел. кн. Николай Николаевич признал «причины, по которым некоторые части войск позволили себе такое отступление от определённого порядка довольствия, заслуживающими уважения» (Там же. С. 63).

лист, привезённый Непокойчицким из кодификационного комитета, впервые увидавший вблизи войска в Кишинёве»¹⁵.

Возмутило Драгомирова и то, что он «за переход до Тырново, получал Высочайший приказ о том, чтобы переменить основание номенклатуры пехотного устава, называть впредь взводами — полувзвод, полуроты [—] взвод и т.д.»¹⁶. «Когда дело дошло так далеко, что подобные факты никого не возмущают и кажутся мелочью, из-за которой не стоит тут подумать (так в тексте. — С.Ю.), болезнь очень серьёзна, — констатировал Михаил Иванович, — и может быть объяснена только таким преобладанием канцеляризма, при котором он производит свои операции над строевой частью, неробко, не оглядываясь, а по всей своей воле, в спокойном сознании своей полновластности и безнаказанности. Что ему стесняться с войсками?»¹⁷.

От равнодушия «чиновников в эполетах» страдали прежде всего простые солдаты: «Бюрократическая манипуляция там, где [нрзб] переписываются, человек страдает, а иногда и гибнет. Тогда бы они (служащие штабов и канцелярий. — С.Ю.) уразумели, что развитие глазной болезни, цинги, смертности не есть только повод к заведению нового дела, и что это факт, а не только слова, изображаемые соответственными буквами алфавита... Но, к несчастью, они доброхотно до перехода в строй не снизойдут, ибо рыба ищет где глубже, человек где лучше»¹⁸. О пренебрежении к нуждам войск Драгомиров знал не понаслышке. Зимой 1876/77 г. из-за скудной пищи его 14-я пехотная дивизия сильно страдала от глазной болезни катарально-трахоматического характера¹⁹. В 54-м Минском полку в 1876 г. заболело 2 983 человека — больше, чем в 1877 г. (2 363 больных, несмотря на тяжёлую зимовку на Шипкинском перевале)²⁰.

Жалобы на засилье военной бюрократии постоянно звучали на заседаниях комиссии Коцебу. Рооп в своей записке вспоминал, как окружной интендант дал указание продолжить довольствие войск некачественными консервами, чтобы избежать потерь для казны²¹. «Вопрос о личном составе чинов интендантства в нашей армии находится в том же положении, в каком он был и в Крымскую войну, если не в худшем», — считал М. Д. Скобелев²². Ф. Ф. Радецкий на одном из заседаний отметил, что инспекция вел. кн. Николая Николаевича (Старшего) выявила бедственное положение солдат в Московском и Одесском военных округах²³. Данное замечание вызвало бурю негодования. Управляющий Военным министерством генерал-лейтенант П. С. Ванновский решительно возразил: «Значит, центральное воен[ное] управление виновато в том, что солдат голодает?! Я не брошу этого упрёка на моего предшественника (Д. А. Милютин. — С.Ю.) и не могу принять этого упрёка на себя»²⁴. Командующий Киевским военным округом генерал-адъютант А. Р. Дрентельн поддержал его, сказав, что

¹⁵ Газенкамф М. А. Указ. соч. С. 10. Возможно, речь идёт о М. А. Кучевском.

¹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 5.

¹⁷ Там же, л. 5–5 об.

¹⁸ Там же, л. 6 об.—7.

¹⁹ Общий обзор состояния здоровья нижних чинов 54-го пех. Минского полка за 1877 год // Сборник материалов по Русско-турецкой войне... Вып. 10. СПб., 1902. С. 134.

²⁰ Там же. С. 133.

²¹ ОПИ ГИМ, ф. 155, д. 150, л. 203.

²² Там же, ф. 445, д. 257, л. 33 об.

²³ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 46, л. 32 об.

²⁴ Там же, л. 32.

по первому требованию получал из Петербурга дополнительные средства для улучшения питания солдат²⁵. Гр. Э.И. Тотлебен резко заявил: «Чтобы солдаты голодали — этого никогда не было!»²⁶.

Драгомирову военная бюрократия представлялась неким вредоносным средством, отделяющим войска от высших начальников. Протестовать против неё бесполезно, поскольку «везде докладывал бы этот протест надлежащему начальнику тот же самый чиновник, который виноват, ошибся, и который не упустит случая проинсинуировать, до какой степени опасно допускать мысль о критике приказов, Высочайше утверждённых», и, «разумеется, он при этом не заикнётся о другой стороне дела: о том, в какой степени добросовестно подсовывать подобные вопросы на Высочайшее утверждение»²⁷. В результате «войска никогда не налицо, они за себя не говорят; они отсутствуют; а отсутствующие, как известно, всегда виноваты»²⁸. Поэтому и привлечь к ответственности представителей военной администрации на практике почти невозможно, «между тем как строевых чинов предадут суду за малейшую растрату»²⁹.

В то же время в своём отдельном мнении Драгомиров утверждал, что «эти недостатки могут быть исправлены, без коренного переворота в администрации, восстановлением *чувства ответственности* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые в оригинале. — С.Ю.) в центральных управлениях и уничтожением в них бесплодных наростов». «В особенности, — полагал он, — важно первое, *ибо никакие перемены в организации не помогут, если кара за злоупотребление будет существовать только для войск, а для центральных управлений не только не будет кары даже за вопиющие злоупотребления, но не взирая на эти последние, будут ежегодно давать им награды по норме, превышающей войсковую*»³⁰.

Вместе с тем отношение Драгомирова к изменению структуры организации центрального управления военного ведомства было далеко не однозначным. Инициаторы создания комиссии Коцебу (прежде всего Фадеев и Воронцов-Дашков) добивались обособления Главного штаба, предназначавшегося для разработки стратегии и руководства обучением войск, от Военного министерства, которому поручалось бы обеспечение армии и ведение её хозяйства. При этом они ссылались на пример Пруссии, где Военное министерство и Большой Генеральный штаб были двумя независимыми учреждениями, а также на существование подобной системы в России в царствование Александра I. Однако с этим соглашались не все. Например, вел. кн. Михаил Николаевич был убеждён в том, что «стратегия и хозяйство должны всегда идти рука об руку и след[овательно] быть в руках одного лица»³¹.

«Теория свидетельствует в пользу разделения», — признавал Драгомиров. По его словам, «представители этих сторон войсковой администрации, взаимно друг друга уравнивая, друг друга поверяя и сдерживая перед лицом верховной власти, должны бы были дать, по-видимому, и полное удов-

²⁵ Там же, л. 30 об.

²⁶ Там же, л. 33 об.

²⁷ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 5 об.

²⁸ Там же, л. 7 об.

²⁹ Там же, л. 12.

³⁰ Там же, л. 15 об.—16.

³¹ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 46. л. 28 об.

летворение перед личным составом, и возможную экономию материальных ресурсов государства»³². «Но, к сожалению, — добавлял генерал, — только по-видимому»³³. На практике же новая реформа казалась ему несвоевременной и едва ли осуществимой. «Нельзя скрыть от себя того, — писал он, — что в настоящее же время вера в незыблемость и постоянство закона, благодаря беспрерывным переменам, подорвана настолько, что продолжить даже это дело теперь едва ли расчётливо: необходимо дать успокоиться и войскам, и управлениям»³⁴. Более того, при независимом положении военного министра и начальника Генерального штаба будут «нужны нечеловеческие усилия со стороны представителя верховной власти, чтобы вынести, примирить и направить к великой цели благоденствия армии этот ни на минуту не утихающий антагонизм между двумя столь высокопоставленными лицами»³⁵. Драгомиров явно сомневался в том, что Александру III это удастся. «Рано или поздно, — предвидел Михаил Иванович, — но неминуемо кончится тем, чем у нас уже раз и кончилось, т. е. что одно из этих лиц проглотило другое и совместило в себе оба эти отдела *воинской администрации*»³⁶. Пример Пруссии он вовсе не считал убедительным: «Если у немцев нечто подобное существует, то потому только, что немцы флегматичнее и в чувствах законности воспитаны более, нежели мы»³⁷.

Избежать ломки и одновременно создать действенный противовес военной бюрократии Драгомиров рассчитывал с помощью усиления роли института инспекторов, число и полномочия которых предлагалось существенно увеличить. «Инспекторы, — развивал он свою мысль, — состоят при министерстве и образуют комитеты по родам оружия; объезжая каждый год армию, они получают возможность знать нужды её из дела, а не из бумажных отчётов. Они же содействуют военному министру в обсуждении требуемых улучшений по всем отраслям войсковой жизни и службы. ... Они же суть и естественные члены Военного совета, который составляется под председательством военного министра из начальников главных управлений и инспекторов войск, затем членов Военного совета, имеющих только одно это звание, быть не должно. Лица же, назначаемые в Военный совет за продолжительную службу, могут оставаться с полным содержанием в запасных войсках. Само собой разумеется, что подобная мера не может распространяться ни в каком случае на членов В[оенного] совета, уже состоящих в оном, впредь до естественного их из Совета удаления»³⁸. Драгомиров был уверен, что в России, как во Франции, военный министр не сможет полностью подчинить себе подобную коллегую инспекторов.

³² ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 17.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 16 об.

³⁵ Там же, л. 17.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 17–17 об. О склонности русских военных связывать военную организацию с особенностями страны и народа подробнее см.: Persson G. Learning from Foreign Wars, 1859–1873. Solihull, 2010. P. 67–73. Кстати, как отмечает Э. Д. Брозе, противоречия между Генеральным штабом, Военным министерством и Военным кабинетом кайзера резко возросли и стали плохо сказываться на управлении и принятии решений, когда к власти в Германии пришёл «психологически неуравновешенный» Вильгельм II. См.: Brose E. D. The Politics of Military Technology in Germany During the Machine Age, 1870–1918. Oxford; N.Y., 2001. P. 5–6.

³⁸ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 27–28.

Эти идеи опирались на опыт французской армии, в которой инспекторы существовали со времён революционных войн и до 1858 г., ежегодно объезжая все полки, предлагая улучшения в соответствии с согласованной единой политикой и составляя отчёты. Съезжаясь в Париж для составления списков по старшинству, они рекомендовали военному министру командиров, достойных повышения по службе. Впрочем, в посленаполеоновские времена в министерстве могли из года в год игнорировать их предложения, что и происходило в действительности. Причём, вмешиваясь в дела и повседневную жизнь частей, инспектора раздражали не только министра, но и полковников, которых инспектировали³⁹. Инспекции существовали также в Австро-Венгрии и Германии, где, как сообщал на заседании комиссии барон Л.Л. Зедделер, «инспектора поверяют только *тактическое* образование войск, а всё остальное поверяет корпусной командир, которого инспектор не поверяет, ибо он (командир корпуса. — С.Ю.) поставлен чрезвычайно высоко, и император доверяет ему вполне»⁴⁰.

В России в середине XIX в. имелось пять генерал-инспекторов — пехоты, кавалерии, артиллерии, стрелковых батальонов (с 1876 г. — стрелковой части в войсках) и инженерной части. По мнению Драгомирова, этого было слишком мало. Тем не менее их деятельность оценивалась генералом довольно высоко: «Известно, — писал он, — как со введением этих инспекций поднялась в войсках стрельба»⁴¹.

Помимо этого, как вспоминал Д.А. Милютин, «признавалось необходимым... производить ежегодно инспектирование войск высшими доверенными лицами от имени самого Государя, и в этих-то видах присвоено было звание “инспекторов войск” некоторым из членов Военного совета. Приказом 29 января 1864 г. учреждён при Военном совете особый “отдел” из членов-инспекторов с той целью, чтобы они ежегодно, после объезда назначенного каждому из них района расположения войск, собирались для общего совещания о сделанных ими замечаниях и для составления общего всеподданнейшего отчёта о результатах инспектирования. На основании этого Положения началось с 1864 г. ежегодное командирование означенных членов Военного совета, каждый раз по особому Высочайшему повелению, и в конце года представлялся Государю общий отчёт с объяснениями и мнениями министерства. Практиковалось это несколько лет сряду и не без пользы: многое, не доходившее до министерства обычным путём, через военно-окружное начальство, узнавалось из личных наблюдений инспектировавших лиц и вызывало новые меры со стороны центральной власти. К сожалению, не все члены Военного совета, облечённые званием инспекторов, оказались на высоте своего призвания; мало-помалу инспекторские объезды сокращались и по прошествии нескольких лет прекратились совсем»⁴². В то же время Дмитрий Алексеевич критиковал манеру вел. кн. Николая Николаевича (Старшего) инспектировать кавалерийские части, не считаясь с военно-окружными начальниками⁴³.

Драгомиров доказывал, что данный институт необходимо восстановить на новых основаниях, причём в каждом военном округе на каждые две дивизии,

³⁹ Griffith P. Military thought in the French army, 1815–51. Manchester; N.Y., 1989. P. 89–90.

⁴⁰ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 46, л. 21 об.

⁴¹ Там же, л. 18 об.—19.

⁴² Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 560.

⁴³ Там же. С. 561.

пехотные или кавалерийские, и на каждые четыре артиллерийские бригады должно было приходиться не менее одного инспектора. Корпуса в мирное время при такой системе признавались излишними, они формировались бы только при начале военных действий, а инспекторы назначались бы их командующими. «Такой порядок, — утверждал Драгомиров, — представлял бы и ту выгоду, что инспектор заинтересован не скрыть, а раскрыть беспорядки в части ему неподчинённой; постоянный же начальник заинтересован в обратном: т.е., в случае крупного упущения, он скорее предпочтёт распорядиться собственным судом, не доводя дело до высшей инстанции»⁴⁴. Успешность действий инспекторов, по мнению генерала, зависела от «назначения такого их числа и при том не дряхлых людей, какое соответствовало бы нашим пространствам и численности нашей армии», от «постановки относительно военного министра в независимое положение», а также от того, будет ли проявлено «уважение к их донесениям»⁴⁵.

Едва ли при подобной системе инспекторам удалось бы избежать трений с командующими дивизиями и полками, а также с военным министром. Но неизбежные противоречия Драгомирова не пугали. На заседании комиссии он заявлял: «Есть положения, где несогласия не только нечего бояться, но даже надо желать, — именно с точки зрения *контроля*. Известно, что ежели распорядительная, исполнительная и контрольная власть соединены в одних руках, то солдат голодает!»⁴⁶. Характерно, что в своей записке он снова предлагал вывести хозяйственные дела из ведения генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора по инженерной части, оставив им только строевую часть, хотя это явно вело к столкновениям. Как вспоминал в комиссии Коцебу вел. кн. Михаил Николаевич, «когда заведование артиллерийской частью было разделено между Штабом генерал-фельдцейхмейстера (личн[ый] состав) и Артиллер[ийским] департаментом (ч[асть] хозяйств[енная]), начальник Штаба и директор Департамента постоянно враждовали между собою, и мне беспрестанно приходилось мирить их»⁴⁷.

Не исключено, что именно по инициативе Драгомирова возможность организации инспекций обсуждалась на заседаниях комиссии Коцебу, и некоторые её члены отнеслись к этой мысли с сочувствием. «У нас есть крупные лица боевые, — говорил, в частности, кн. А.К. Имеретинский, — и вот наши инспекторы; необходимо, чтобы они инспектировали постоянно одни и те же войска; тогда они в состоянии будут следить за успехами занятий в этих частях и будут всё знать о них; они представляют отчёт прямо Государю»⁴⁸. Более того, по мнению князя, они должны были также иметь право представлять к наградам и назначениям на высшие должности. Тотлебен склонялся к тому, чтобы превратить в инспекторов командующих округами⁴⁹. А гр. Павел Андреевич Шувалов вместе с Драгомировым объявил, что если преобразование инспекции не получит одобрения, то они поддержат выделение Главного штаба из состава Военного министерства⁵⁰. В итоге так и вышло.

⁴⁴ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 21–21 об., 26.

⁴⁵ Там же, л. 22.

⁴⁶ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 46, л. 29.

⁴⁷ Там же, л. 26–26 об.

⁴⁸ Там же, л. 20–20 об.

⁴⁹ ОПИ ГИМ, ф. 155, д. 150, л. 29.

⁵⁰ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 46. л. 22.

Видимо, создание противовеса министру казалось им более важным, чем неудобства от разделения ведомства.

Размышляя об устройстве военного управления на местах, Драгомиров исходил из принципа несовместимости задач мирного и военного времени, поскольку «мирная деятельность в армии имеет целью развитие и сбережение сил, а военная — употребление или потребление их»⁵¹. «Число округов уменьшить возможно, — полагал он, — но необходимо сохранить основным принципом, что округ есть инстанция *мирной*, но отнюдь не *военной* организации, т.е. что начальник округа не есть командующий армиею в случае войны»⁵². Следовало учитывать, что «в мирное время крупные военные назначения делаются не всегда по военным соображениям»⁵³. Командование округом нередко соединялось с должностью генерал-губернатора и этот пост мог занимать способный администратор, вовсе не имевший качеств полководца. Когда же «возникает война, хотя бы и было сознание, что такой командующий армией не соответствует своему назначению, но его положение так высоко, но к нему так привыкли, что не достаёт духу сменить, и кончается тем, что армия отправляется на войну с подобными командующими; последствия понятны»⁵⁴. В этой ситуации «командующий армиею может быть внутренне и рад бы был отказаться, но никогда этого не сделает перед войной, так как это покрыло бы его позором; другая сторона и рада бы его заменить, но на это не решится, ибо как уже сказано, замена в подобную минуту равносильно оскорблению»⁵⁵.

Во главе корпусов также часто оказывались заслуженные, но уже одряхлевшие генералы. Сам Драгомиров перед войной 1877–1878 гг. столкнулся с этой проблемой, когда VIII корпус, в который входила его 14-я дивизия, едва не передали гр. А.И. Бреверну-Делагарди. По свидетельству Е.К. Андреевского, «несколько раз М.И. Драгомиров вспоминал впоследствии об этом эпизоде, при чём говорил: но что было бы с восьмым корпусом и при переправе, и при обороне Шипки, если бы, вместо скромного, тихого, смирного Ф.Ф. Радецкого, командиром его был назначен величавый граф Александр Иванович; это бесспорно умный, твёрдый, настоящий военный человек, но как он справился бы с боевой ролью — да ещё при такой исключительной почти сверхъестественной обстановке — трудно себе представить. Вот уж доподлинно Господь оберёт и его, и корпус от такого опасного эксперимента. Да я думаю, и ему самому это не раз приходило на ум»⁵⁶. Чтобы избежать подобных коллизий в будущем, Драгомиров предлагал завести в Военном министерстве строго секретные детальные списки штабов армий и корпусов на все возможные случаи (войны с Турцией, с Германией или с той или иной коалицией держав)⁵⁷.

⁵¹ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 26. Между тем австрийский фельдмаршал Г. Гесс вынес из кампании 1866 г. совершенно другой урок: «Войны теперь происходят так быстро, что не подготовленное с самого начала не будет готово вовремя..., а готовая армия в два раза сильнее готовой наполовину» (*Wawro G. Franco-Prussian War: The German Conquest of France in 1870–1871. Cambridge, 2003. P. 47*).

⁵² ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 23 об.

⁵³ Там же, л. 24 об.

⁵⁴ Там же, л. 24 об.—25.

⁵⁵ Там же, л. 25–25 об.

⁵⁶ А[ндреевский] Е.К. М.И. Драгомиров и время перед войной 1877–78 гг. // Русская старина. Т. 138. 1909. Апрель. С. 86–88. Ещё более строгую оценку гр. А.И. Бреверна-Делагарди см.: Андреевский Е.К. Из записок за 47 лет // Исторический вестник. 1916. № 4. С. 98.

⁵⁷ ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 257, л. 27.

При этом Драгомиров надеялся на то, что инспекторы сделают наличие корпусных командиров излишним. Однако очевидно, что в случае войны не дать инспектору командовать корпусом, составленным из постоянно инспектируемых им дивизий, было бы почти так же неудобно, как и заменить корпусного командира.

Само сосуществование военных округов и корпусов в мирное время многие находили невыгодным. Как писал в записке для комиссии Коцебу Радецкий, «обязанности корпусного и командующего округом по большей части совпадают, и второй иногда вмешивается в дела первого»⁵⁸. Драгомиров также считал, что при существовании окружной системы «корпус, как чисто строевая инсти-туция, не имеет значения в мирное время: ни корпусному командиру, ни его штабу нет при этом условии достаточной работы в мирное время; ибо таковую работу он имеет только при лагерном сборе. И тогда только, если вместе собран целый корпус»⁵⁹. «Организация наша, установившаяся после Крымской кампании, — отмечал он, — грешила вовсе не тем, что корпусных командиров в мирное время не было: это, напротив, была сильная её сторона»⁶⁰.

По мнению Драгомирова, «ни опыт, ни здравая теория» не оправдывали создания боевых армейских структур в условиях мира. «Командующий армией, — утверждал Михаил Иванович, — облечён властью в таком объёме, который в мирное время не вызывается ни потребностями обучения, ни потребностями хозяйства, ни, наконец, потребностями службы войск; а давно уже замечено, что если власть, даваемая человеку, не вызывается действительными нуждами, то она обращается во вред делу. Ни командующему армией, ни органам его управления достаточного дела в мирное время нет; вследствие этого они или мало делают, или сочиняют себе дело, т. е. занимаются тем, что составляет круг власти подчинённых органов. Извращается таким образом понятие о круге власти; и об обязанностях степеней военной иерархии»⁶¹.

В целом черновые записки, составленные М.И. Драгомировым в конце 1881 г., не только раскрывают его представления об устройстве вооружённых сил в пореформенной России, но и помогают понять как основной «нерв» критики милютинской системы, так и причины её сохранения. Проведённые в 1860-е гг. реформы, действительно, заметно усиливали в армии роль военных администраторов, в известной мере оттеснявших с высших постов боевых генералов и строевых командиров. Это вызывало и понятное недовольство, и естественное недоверие к способности «чиновников в эполетах» руководить войсками в случае войны, и резкое, далеко не беспристрастное и не всегда обоснованное обличение «бюрократизма». Однако едва ли не все проекты изменения сложившегося положения (будь то обособление министерства и Главного штаба, создание инспекций и проч.) в случае их реализации заведомо породили бы целый ряд конфликтов и противоречий, отнюдь не гарантируя устранения имеющихся недостатков. При таких обстоятельствах, казалось, гораздо осмотрительнее было ничего не менять. Неудивительно, что П.С. Ванновский и Н.Н. Обручев сравнительно легко одолели своих оппонентов, а М.И. Драгомиров даже не стал придавать своим критическим запискам окончательный вид.

⁵⁸ Там же, ф. 155, д. 150, л. 81.

⁵⁹ Там же, ф. 445, д. 257, л. 21 об.

⁶⁰ Там же, л. 18 об.

⁶¹ Там же, л. 23 об.—24 об.